

Ду Ицзэ не понимал, почему контрабандист оружия, занимающий монопольное положение, вдруг начал беспокоиться о его будущем. Он чувствовал, что сегодняшний вечер, скорее всего, станет для него роковым — в фильмах всегда так происходило: никто не проявляет доброты без причины, только когда главарь собирается устранить врага, он предлагает выпить и поесть. В древности это называлось «пир в Хунмэнь». Однако, вспомнив, что Крыса-кошкодав уже устранена и он не подставил Ван Цзяюя, Ду Ицзэ почувствовал облегчение и честно признался:

— У меня нет никаких планов.

— Никаких планов? Это нельзя назвать планом! — сказал Уродливый Кот. — Может, перейдёшь ко мне? У меня здесь куда больше свободы, чем на вашей базе.

Ду Ицзэ на мгновение застыл, не понимая, был ли это тест или настоящее предложение. Но, независимо от этого, он вежливо отказался:

— Нет, уже слишком поздно. Я не успею подать заявление на отпуск.

Хотя враг моего врага — мой друг, за исключением этой связи, он всё ещё оставался на противоположной стороне от Уродливого Кота. Перед уходом он сказал:

— Раньше у меня не было возможности поблагодарить вас за вашу заботу... Но сегодня я пришёл сюда в последний раз.

Уродливый Кот медленно поднял бокал, с полуулыбкой, словно предлагая тост.

Если после гаокао Ду Ицзэ ступил на неожиданный путь, то именно на этом пути его жизнь и развалилась на части.

Покинув территорию Уродливого Кота, Ду Ицзэ не пошёл сразу в общежитие, а сразу направился на базу. Ван Цзяюй сказал, что вечером будет общее собрание с участием руководства, на котором обсудят дальнейшие действия против Уродливого Кота. Он даже не подумал о чём-то другом, позволив сотрудникам службы безопасности забрать своё табельное оружие.

Когда Ду Ицзэ открыл дверь базы, пять или шесть сотрудников бросились на него с обеих сторон, схватили его за руки, скрутили за спиной и свалили на пол, как в борьбе сумо. Ду Ицзэ лежал на плиточном полу, не в силах пошевелиться, и до этого момента он даже не осознавал, что это была засада, устроенная специально для него. Однако, когда его заперли в комнате для допросов, приковав руки к стулу, и на огромном экране начали показывать кадры его посещения территории Уродливого Кота, он наконец понял, что произошло.

Видео было очень подробным, в нём без пропусков фиксировалось, в какую минуту и секунду его забирал Тигр, включая даже запись его первого самостоятельного визита к Уродливому Коту.

Ду Ицзэ открыл рот, но прежде чем он успел что-то сказать, один из сотрудников ударил его кулаком.

— Ты предатель!

Ван Цзяюй считал Ду Ицзэ полезным человеком, но ошибался в его послушании. Он схватил Ду Ицзэ за воротник, почти подняв его с пола, и, дыша сдавленно, прошипел:

— Так это ты раздувал их амбиции.

Ду Ицзэ широко раскрыл глаза, из уголка его рта сочилась алая кровь, а в пустом взгляде отражалось напряжённое лицо Ван Цзяюя.

— Ты думаешь, это справедливость? Это «чёрный пожирает чёрного»! — сжал кулаки Ван Цзяюй, его взгляд был ясным и резким. — Чтобы достичь справедливости, используются грязные методы. Такая справедливость — не справедливость.

Гнев Ван Цзяюя был искренним, казалось, он действительно был вне себя от ярости, но Ду Ицзэ заметил в его глазах что-то ещё — что-то особенное, скрытое под оболочкой гнева, что исчезло в одно мгновение.

— Теперь доказательства налицо! Ты не различаешь добро и зло, твои ценности искажены, ты просто не подходишь для работы в полиции!

Ду Ицзэ отвел взгляд, уставившись в пустоту перед собой, и вдруг горько усмехнулся:

— Если доказательства налицо... Капитан, чего ты боишься?

Люминесцентные лампы в комнате для допросов гудят, словно внутри них застряли несколько назойливых мух без головы. Ван Цзяюй смотрел через одностороннее стекло на комнату, где Ду Ицзэ сидел, как умирающий пациент, обмякший на стуле, словно у него вынули позвоночник, и неотрывно смотрел в центр стекла.

Ван Цзяюй скрестил руки на груди и долго смотрел на него — хотя Ду Ицзэ не мог его видеть, он всё равно чувствовал, что его взгляд раздражает.

Охранник за дверью, видя, что Ван Цзяюй всё время хмурится, подумал, что тот беспокоится о побеге Ду Ицзэ:

— Завтра утром мы его увезём, не волнуйтесь.

Ван Цзяюй кивнул. Он стоял за дверью так долго, но не услышал от Ду Ицзэ ни одного слова опровержения. Хотя Ду Ицзэ не был мастером красноречия, его молчание было равносильно признанию вины. Он думал, что, учитывая характер Ду Ицзэ, тот будет стоять на своём до конца, категорически отрицая свою причастность к «чёрному пожирает чёрного», и, возможно, даже попытается втянуть его, сказав, что действовал по указанию капитана.

Ван Цзяюй схватил ключи от машины и направился к выходу. Он уже придумал, как справиться с такими заявлениями, но не ожидал, что Ду Ицзэ выберет молчание. Видимо, он уже подготовился к этому.

Молчание — лучшее, молчание — золото.

А по ту сторону одностороннего стекла, пока Ду Ицзэ был прикован к стулу, он пытался вспомнить, что Су Янь сказала ему в ту ночь, когда произошёл взрыв, но каждая попытка заканчивалась неудачей. Шестерёнки в его голове едва успевали повернуться, как их прерывал резкий звон в ушах, словно его тело протестовало против такого самобичевания. В конце концов он просто сдался, опустил голову на спинку стула и позволил люминесцентным лампам жечь его веки.

Позже кто-то вдруг открыл тяжёлый замок двери комнаты для допросов. Ду Ицзэ подумал, что наступило утро и его отправят в город для суда и наказания, но вместо этого его встретил кулак, который оглушил его.

У Ду Ицзэ потемнело в глазах, в ушах зазвенело. Удар был очень сильным, но после долгого психического напряжения нервы во всём его теле словно пропитались анестетиком, став онемевшими и замедленными. Тупая боль лишь спустя мгновение начала пульсировать в его голове. Он выпрямился, пытаясь сфокусировать взгляд на фигуре перед ним, но сначала его уши пронзил душераздирающий крик.

Тот человек схватил его за воротник и, находясь на грани срыва, рыдал:

— У тебя есть совесть?! Как ты можешь смотреть в глаза Яньцзы? Как ты можешь смотреть в её глаза?

Ду Ицзэ смутно узнал этого парня — он был тем, кто любил Су Янь и однажды вызвал его на дуэль ради неё. Он тут же протрезвел, наручники звонко ударились о металлические прутья.

Перед Ван Цзяюем Ду Ицзэ с самого начала не проронил ни слова в свою защиту, но перед этим парнем он не мог контролировать своё напряжение и страх. Его адреналин резко подскочил, словно он наконец получил возможность объясниться перед Су Янь, и он наконец произнёс:

— Я не предатель... Я не предатель.

— Ты не оправдал доверия своих товарищей! Как ты мог попасть в спецслужбу? Почему ты не умер?

— Я не подвёл её! — голос Ду Ицзэ повышался, эмоции закипали. — Я не предатель!

— Ты трус, ублюдок, Яньцзы умерла вместо тебя! Почему не ты умер?

Зрачки Ду Ицзэ сузились, его лицо на мгновение побелело.

Да, почему не он сам?

Парень закричал, сорвав голос:

— Ты убил её! Ты убийца!

Ду Ицзэ чуть не раздавил зубы:

— Я не предатель!

— Ты убийца!

— Нет!! — Ду Ицзэ резко вскочил, но лишь громко стукнул приваренный к полу стул, повторяя только одну фразу:

— Я не предатель!

— Ты убил Яньцзы! Ты убил её!

Ещё один удар безжалостно пришёлся Ду Ицзэ в висок. Он согнулся, свесившись набок на подлокотнике, пот пропитал его волосы, прилипшие к лбу. Ду Ицзэ тяжело дышал, как умирающий зверь, и вдруг раздался щелчок — он вывихнул большой палец левой руки, освободился от наручников, схватил парня за воротник и ударил его коленом в бедро.

Парень не ожидал этого, его ноги подкосились, и он упал на стул для допросов. В одно мгновение Ду Ицзэ отобрал у него табельное оружие.

Хотя охранник уже успел войти из-за одностороннего стекла и направил дуло пистолета на Ду Ицзэ, тот уже обхватил левой рукой шею парня, одновременно приставив пистолет к его виску.

<http://bllate.org/book/15266/1347238>